

дочь и мать, «душу» и «тело». Не только грубая животная витальность матери, но и нежное чувство дочери находят свое выражение в агрессии. Не только мать превращается в «жалкий призрак», но и дочь несет свою любовь на кладбище, потому что в жизни ей не находится места.

Однако, в этой «непоследовательности» больше правды, чем в жесткой бинарности оппозиций души и тела, добра и зла. Связанность героинь насилем и Танатосом подтверждает, что перед нами не абстрактные аллегории, а действительно, мать и дочь и, более того, *единый культурный организм*. «Волчок» потому и представляется новым шагом в развитии оригинальной драматургической мифологии Сигарева, что в этом сценарии, в отличие от «Черного молока» и «Божьих коровок» репрессивные по своей сути культурные модели *отступают* перед логикой живых характеров, не теряющих при этом ни эмоциональной интенсивности, ни символической суггестивности.

А. ЗЫВЭРТ

(г. Познань, Польша)

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ (РОМАН А. И Г. ВАЙНЕРОВ «ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ПАЛАЧА»)

Вместе с гласностью на полки русских книжных магазинов вернулась массовая литература. Как известно, в СССР ее ситуация не была комфортабельной. Сознательно недооцениваемая, часто используемая с целью индоктринации общества, она долгие годы оставалась на полях литературной жизни¹. В таком контексте не удивляет факт, что родных так называемых многотиражных авторов было очень мало (самые известные кроме Вайнеров – это Н. Леонов и Ю. Семенов)².

Братья Вайнеры – это классики детективных романов³, их фамилии функционируют на правах опознавательного знака⁴, а множество читателей считает их своими литературными идолами⁵.

¹ Как верно замечает Чеслав Милош, одним из непосредственных результатов условного деления Европы после Второй мировой войны была сознательная блокада (воспринимаемой как следующая форма проявления «капиталистической гнили») западной массовой литературы. См. www.czytelnia.onet.pl/0,1080262,do_czytania.html.

² Шире см. *Włodźko-Butkiewicz A. Od pierestrojki do netliteratury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej.* – Warszawa, 2004. – С. 271.

³ Детективные писатели братья Вайнеры были известны во всем мире, их книги выходили в 40 странах мира общим тиражом около 300 миллионов экземпляров, фильмами по их сценариям засматривалось не одно поколение зрителей. См.: *Голицына В. Закончилась «эра милосердия»* // http://walrus-kay.sytes.net/idols/golden_bookcase/brothers_vainer/era_miloserdiya/index.html.

В 1967 году вышел первый детектив Аркадия и Георгия Вайнеров *Часы для мистера Келли*, через год – *Ощупью в полдень*. Среди их известных произведений стоит назвать также *Я, следователь* (1970), *Визит к Минотавру* (1972), *Эра милосердия* (1976), *Лекарство против страха* (1978), *Гонки по вертикали* (1974)⁶. Сюжеты их произведений зачастую были взяты из реальной криминалистической практики⁷. В

⁴ Желая «засчитать следующего Вайнера», читатели в поисках книг их авторства руководствуются не жанром, а фамилией. Шире об этом явлении см.: *Kraska M. Na tropie szakala // Gry i konwencje political fiction. – Gdańsk, 2003. – С. 51-52.*

⁵ О степени популярности свидетельствует хотя бы факт, что появляются даже стихи, посвященные этому произведению. Примером может служить стихотворение Олега Евгеньевича Толстякова «Евангелие Апостола Палача» (Посвящается произведению братьев Вайнеров: *Евангелие от палача*)

Ты – новой веры апостол Палач
Вчера ты был узник, сейчас – конвоир
Подсудны тебе и бедняк и богач
Ты верой своей уничтожишь весь мир

Вновь барабанщик играет крещендо
Сегодня отдых, а завтра – вбой
Сегодня ты приходишь за кем-то
А завтра кто-то придёт за тобой

Руки в крови умыты по локоть
Не возвращающихся кочеваров
Печи с трупами роняют копать
Чистки – работа чёрных комиссаров

Пустота, что внутри, всё сильнее гнетёт
Заполняясь обильно смертями других
Крови со стали ничто не сотрёт
Каждый выстрел и взрыв пусть звучат, словно стих

⁶ Всего же на их творческом счету 22 фильма, 152 книги, выпущенные в разных странах. С 1990 года Георгий Вайнер живет в США, где был обозревателем, а затем два года - главным редактором газеты *Новое русское слово*. Кроме того, он писал сценарии, а в 2000 году в России была опубликована книга *Умножающий печаль*, в 2003 году вышло ее продолжение – *Райский сад дьявола*.

⁷ Стоит добавить, что жанр детектива Аркадий Вайнер всегда понимал максимально широко. «*Жанр придумал, я думаю, тот, кто писал Библию. Уже там детективные сюжеты разворачиваются полным ходом. Когда Каин убил Авеля, Ева перехитрила Адама, и так далее. Потом на протяжении истории человечества к этой теме неоднократно возвращались. Тот же Эсхил обожал детективы, а потом Шекспир, Достоевский, Лев Николаевич Толстой тоже не брезговал. Ну а теперь эту славную эстафету перенял я. Это я в шутку, конечно, сказал*». В другом интервью Аркадий Вайнер отмечал: «*В принципе, вся мировая литература была создана в жанре детектива. Гамлет – это же классический детектив...*» (Голицына В. Закончилась «эра милосердия» // http://wailrus-kay.sytes.net/idols/golden_bookcase/brothers_vainer/era_miloserdya/index.html).

1976 году авторы блеснули романом *Эра милосердия*⁸, но переломом в их творчестве был тематически связан с эпохой сталинского террора, отраженной в романе *Петля и камень в зеленой траве*⁹. Продолжение этой темы приносит с собой, оконченное в 1984 году (частично основанное на частных беседах с ветеранами Лубянки) *Евангелие от палача*¹⁰.

Евангелие от палача – это книга необычная, книга, в которой под прикрытием сенсации затронуты запрещенные темы. Авторы отбросили избитые стереотипы и раскрыли, без обиняков, жестокость и беспощадность власти. Одновременно они решились отбросить схематический, одобряемый цензурой способ экспозиции темы. Итак, в то время характерные для детективно-приключенческого романа элементы, такие как: взрывы, кровопролитие, физическое и психическое издевательство, если вообще появлялись в произведениях советских писателей, то могли касаться лишь деятельности гитлеровцев, враждебных империалистических разведок, но ни в коем случае – родных служб безопасности, которых «методы следствия» (не имеющие, конечно, ничего общего с нацистскими) всегда были оправданы «высшей необходимостью». У Вайнеров – наоборот, уже почти в начале повествования главный герой прямо говорит об осуждаемых эсэсовцах, что «не казались они мне вырожденками человечества – наоборот, нормальное порождение нашего сумасшедшего мира.»¹¹.

Анализируемое произведение интересно и с формальной точки зрения, так как можно в нем найти несколько нетипичных, новаторских (учитывая процесс развития детективно-приключенческого романа в 80-е годы) приемов, таких как, например: нестандартная конструкция главного героя или отсутствие счастливого окончания.

⁸ По роману А. и Г. Вайнеров «Эра милосердия» был поставлен один из самых популярных отечественных фильмов – «Место встречи изменить нельзя» (1979), в котором главную роль (Жеглова) исполнял Владимир Высоцкий.

⁹ Тема *Петли и камня* – это конфликт власть-общество на фоне преследований евреев в сталинский период. Это одновременно и был первый текст, написанный без автоцензуры, в котором, в отличие от предыдущих, вышеупомянутый конфликт не был программно упрощен.

¹⁰ Оба романа создавались в 70-80-е годы, но вышли намного позже. Как вспоминает Аркадий Вайнер: «Над этими романами мы тайно работали несколько лет, но были уверены, что в Советском Союзе их не опубликуют, а если «критики в штатском» найдут рукопись, то нам может крепко не поздоровиться. Поэтому ее в прямом смысле слова пришлось прятать – закапывать до лучших времен в землю на даче Переделкино» (Аркадий Вайнер: Рукописи не горят, но иногда их нужно прятать / Беседу вел А. Витковский // Парламентская газета. – 2002. – № 11, <http://www.pnp.ru/archive/08900937.html>.

¹¹ *Вайнер А., Вайнер Г.* Евангелие от палача, http://www.lib.ru/RUSS_DETEKTIW/WAJNERY/ewangelie2.txt. Все остальные цитаты по тому же изданию.

Роман Вайнеров – это исповедь сталинского палача, который с обезоруживающей и одновременно ужасающей откровенностью рассказывает о себе и годах своей молодости в конце сталинского периода, исповедь настолько особенная, что в финале она не завершена покаанием.

Павел Хваткин – это «настоящий чекист», во время «Большого Террора» он был «серым кардиналом» управления госбезопасности, палачом, убивающим по поручению следующих министров внутренних дел. Он предан, верен, но не слепо послушен. Он не только «винтик в машине», но и инициатор целого ряда провокаций, направленных на всех актуальных «врагов народа». В 1978 году, когда читатель с ним знакомится, Павел уже является везде уважаемым и любимым студентами профессором права. Когда оказывается, что бесславное прошлое тянется за ним, он решает любой ценой в очередной раз остаться хозяином положения..

Благодаря методу контаминации авторам удалось соединить прошлое с современностью. Действие происходит в конце 70-х годов, но ретроспективные фрагменты относятся к началу 50-х. Свидетельствуют об этом многие указания, позволяющие читателю довольно точно ориентироваться и разместить отдельные повествовательные фрагменты в конкретных временных периодах. Например: «в тот жаркий июльский вечер пятьдесят второго года», «Через двадцать пять лет. После успеха Великого Пахана». В воспоминаниях возрождаются характерные исторические моменты: чистки в кругу политических нотаблей, «дело врачей», «Еврейский вопрос» и наконец, смерть Сталина, то есть (что характерно для детективно-приключенческих романов¹²) те факты, которые читатель в состоянии легко идентифицировать и интерпретировать¹³. Авторы такого типа литературы, как замечает один из исследователей, пользуются такими темами по нескольким причинам: во-первых, ввиду их важности и актуальности; во-вторых, процесс исследования политических секретов является, несомненно, зрелищным. В полных тайн и политических заговоров романах читатель встречается со стратегией иллюзии, когда в художественной действительности переплетаются правдоподобие и фикция в чистой форме, и в результате читатель незаметно для самого себя преобразуется в активного участника в игре действительности и с действительностью (а точнее, ее фиктивным изображением)¹⁴.

¹² *Kraska M.* Na tropie szakala // Gry i konwencje political fiction. – Gdańsk, 2003. – С. 22.

¹³ *Wojdyła B.* Prawdziwy czekista // Angora. – 2005. – № 12. – С. 57.

¹⁴ *Kraska M.* Na tropie szakala // Gry i konwencje political fiction. – Gdańsk, 2003. – С. 22.

В романе создается своего рода спектакль о вторжении зла в обыкновенную действительность. Зло окружено атмосферой постоянной опасности, угрозы, усиленной тем фактом, что описываемые события многие люди еще помнят, они являются неотъемлемой частью истории их семей¹⁵. В результате авторам легко дойти до той части читательского воображения, которая способствует мифизации действительности.

Герои разделены на две оппозиционные группы: положительных и отрицательных (что в такого типа романах является фундаментальным принципом, так как значительно повышает уровень эмоции читающего и одновременно заставляет его конкретно отнестись к конфликту), с той, однако, разницей, что в этом случае центральным лицом является отрицательный герой¹⁶. Именно Хваткин является одновременно и главным героем, и повествователем-гидом¹⁷. Повествование от его лица является настолько интересным приемом, что если читатель хочет стать его «спутником», должен ему полностью доверять. Только тогда он имеет возможность правильно понять логику событий, посмотреть на этот таинственный мир как бы «изнутри», почувствовать «на своей шкуре», почти физически, близость «верхушки» власти и увидеть Лубянку «без ретуши». Именно поэтому в романе авторы сознательно сосредоточивают свое внимание на герое, который является олицетворением зла («я за минуту могу вручную перебить человек десять»). Перед глазами читателя появляется образ уверенного в себе, наглого, холодного, циничного, расчетливого, изощренного убийцы:

¹⁵ Прием обращения к относительно «свежим» историческим событиям вполне целесообразен. Это форма укрепления «коллективной памяти», полной годами накопленных страхов. Адресуясь к чувству ужаса, вызванного непосредственно драматическими событиями, в которых участвовала большая часть данного общества, автор в состоянии вызвать не только шок, но и продолжительную травму. См. *King S. Danse macabre* / Перевод Paulina Braitner i Pawel Ziemkiewicz. – Warszawa, 1995. – С. 25-27.

¹⁶ Обратим внимание, что раньше (в официально публикуемых произведениях) у Вайнеров главный герой (согласно канону детективно-приключенческого романа) был всегда положительным. Один из авторов, Аркадий вспоминает: «требовалось, чтобы милиционера всегда изображать красивым, порядочным и честным», сам же он во время своей службы (в свое время он работал следователем в 21-ом отделении столичной милиции и «дорос» до начальника следственного отдела Московского уголовного розыска) наблюдал абсолютно противоположное. См. Местом встречи стала Марьяна Роца // http://exlibris.ng.ru/fakty/2002-08-08/7_vayner.html.

¹⁷ «Повествователь-гид» ничего не скрывает от читателя, выдает тайны и секреты далеких и чужих читателю времен. Поэтому входя в кабинеты членов «верхушки», наблюдая за совершенно секретными операциями, читатели вынуждены абсолютно доверять ему. См. *Kraska M. Na tropie szakala* // *Gry i konwencje political fiction*. – Gdańsk, 2003. – С. 31.

«Мы убивали людей не потому, что надо, и не потому, что хотели, и не потому, что понравилось! [...] Потому что знали - можно. Нам можно».

Необыкновенно интеллигентный, образованный, наделенный незаурядным инстинктом самосохранения Хваткин, без угрызений совести, а даже с философским жаром выявляет ужасные тайны ареста на Лубянке. Как высокопоставленное должностное лицо госбезопасности он отлично знает неофициальные подробности, касающиеся «верхушки» власти, совершенно секретные информации, закулисные интриги. Одним словом, он знает все то, о чем не пишут в газетах. Хитрый, систематический, отлично подготовленный к любым возможностям, Хваткин очень хорошо знает правила функционирования тоталитарной системы («...я уже очень ясно представлял себе устройство нашей государственной машины, конструкцию ее двигателя, источники питания, характер работы и цель ее существования»). Советский Союз – это одна большая зона «с колючей проволокой под электрическим током, с автоматчиками, конвойными и надроченными на человеческое мясо псами».

Он отдает себе отчет в том, что независимо от следующих смен власти, достижение коммунистического идеала нереально.

«Я знал точно, что цель похода нашего сумрачного корабля в Благословенное Завтра – само путешествие, Счастливые Острова [...] может быть, и существуют [...] но расположены они на другом глобусе. [...] Он никогда и никуда не придет».

Хваткин чувствует себя не чудовищем, а дитем своего времени, добавочно, согласно требованиям жанра, носящим отпечаток психопатии¹⁸: у него чувство великой миссии и исключительности. Он считает себя вечным, стоящем выше вождей и систем «опричник», миссия которого никогда не заканчивается:

«У меня судьба в веках – быть особистом, кромешником [...] Бей всех! Опричь Великого Пахана!». «Моя специальность – обеспечение безопасности государства от поползновений отдельных людишек. Это профессия вечная и везде необходимая...»

Он начало и конец всего, поэтому считает, что его история – это своего рода евангелие о «земной жизни» всемогущего Бога. В отличие, однако, от классического «черного характера» (напр. из шпионских романов), Хваткин не единственный в своем роде. На фоне остальных

¹⁸ Обратим внимание, что в детективно-приключенческих романах (и их вариантах) противник положительного героя никогда не хуже его. Он равняется с ним в любом отношении (как интеллектуальном, так и физическом) и добавочно он всегда одержим какой-то манией (напр. величия, накопления золота).

героев, по сути дела, он играет второстепенную роль – он не создает зла, а лишь верно служит ему. Обратим внимание, что несмотря на высокую ясность ума, он не равняется со своими «работодателями» – он лишь отлично подготовлен. В этом контексте важно, что все появляющиеся в романе самые грозные безумцы того времени: Хрущев, Берия, Микоян, Власик, Деканозов, Молотов, Рюмин, удивительно похожи на него. Сам Хваткин по ходу действия превращается в символ первоначального, функционирующего испокон веков зла, того зла, очередным воплощением которого является тоталитаризм.

Чтобы сформировать у читателя определенное отношение к героям, авторы решились применить прием гиперболизации и характеристики с элементами комментария. Они сознательно до такой степени чрезмерно увеличили (отлично известные читателю¹⁹) внутренние и внешние опознавательные черты героев, чтобы в процессе идентификации исключить возможность ошибки¹⁹. Особенно красноречивы образы Сталина и его палатинов: «преданный глупец Власик», «Деканозов, грустный косоглазый садист», Микоян – «Гриф, жрущий только мясо. Но всегда падал», Хрущев – «Неинтересный мужик. Куций какой-то», Каганович «толстый, отеклолицый, шумнодышащий – просто еврейский дубовый шкаф. Мебель».

Язык Вайнеров полон вульгаризмов («Мы все лилипуты. А управляют нами обосравшиеся Гулливеры»), острых сравнений и метафор, чаще всего касающихся «верхушки» власти. Одним из особенно потрясающих фрагментов является избилующее анатомическими подробностями сообщение о вскрытии трупа Сталина. Вопреки ожиданиям, мертвый Великий Пахан разочаровывает – это лишь обыкновенный отвратительный, дохлый старик – «ладони с жирными короткими страшными пальцами» и противное лицо, все в дырах шербагин. Нет в нем ничего сверхъестественного. Вместо Великой Тайны, в его черепе лишь «желтовато-серые в коричнево-красных пятнах извивистые бугры [...] Старый мозг. Изъеденный орех. Ядро злоумия».

¹⁹ В массовой литературе не столько важен познавательный элемент, сколько высокий уровень эмоций читающего. См. *Włodźko-Butkiewicz A. Od pierestrojki do netliteratury // Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej.* – Warszawa, 2004. – С. 274.

¹⁹ Стоит добавить, что если говорить о появляющихся в романе исторических лицах, то их литературные портреты соответствуют действительности. Ср. напр.: *Соколов Б.В.* Наркомы страха. Ягода, Ежов, Берия, Абакумов. – М., 2001; *Тумиус М.* ВЧК. Война кланов. Лубянка без ретуши. – М., 2004; *Montefiore S.S.* Stalin. Dwyg czerwonego cara / Перевод М. Antosiewicz. – Warszawa, 2004; *Szentaliński W.* Wskreszone słowo. Z „archiwów literackich” KGB / Перевод Henryk Chłystowski, Maria Kotowska, Romuald Niedzielko, Ewa Niepokólczycka, Józef Waczków. – Warszawa, 1996; *Tajemnice Łubianki. Z „archiwów literackich” KGB. Część 2* / Перевод Henryk Chłystowski, Maria Kotowska, Jyżef Waczyk. – Warszawa, 1997.

Характерный для детективно-приключенческих романов контраст добро – зло реализован путем конфронтации Хваткина с Магнустом (женихом Майки, дочери Хваткина), родившимся во время войны в гетто немцем еврейского происхождения. Молодой, красивый, элегантный, образованный, интеллигентный, честный, «доктор философии Магнуст Тэ Боровитц» – это типичный положительный герой, шпион нового поколения²⁰. Он поборник правды и верного дела (работает в Бюро доктора Визенталя в Вене, в Центре еврейской документации). Даже когда оказывается, что он интересуется Хваткиным по личным причинам («Я предъявляю вам иск в заговоре и убийстве моего деда Элиэйзера Аврума Нанноса ...»), в действительности он не пылает жадой мести («А я хочу суда. Правды. Научения людям»). Взгляды Магнуста настолько близки читателю, что он может инстинктивно отождествляться с ним и встать на его сторону. Кроме того, только у него все черты настоящего героя. В результате кажется, что он должен победить, утверждая одновременно читателя в убеждении, что в финале будет восстановлен «нормальный» порядок мира.

Учитывая, что ключевым элементом всякого произведения в жанре массовой литературы является реализация точно определенной фабульной схемы, показательно то, что роман кончается не типично – гибнет положительный герой и преступление остается без наказания²¹. Вопреки ожиданиям, добро оказывается слабее зла. В результате финал произведения – это показное торжество первичного зла: Хваткин убивает Магнуста и язвительно констатирует: «Твоя ошибка в том, что ты со мной бился, как с человеком, личностью. А я нелюдь. Я – держава, я - режим, я – мир этот...».

Отсутствие характерного для детективно-приключенческого романа счастливого окончания приводит к тому, что не исчезает чувство опасности, нарушения «естественного» порядка вещей. Такого типа, несомненно неожиданный, финал свидетельствует о том, что настоящая основная цель авторов – это не «утешать», а предостеречь читате-

²⁰ Раньше понятие «шпион» функционировало в отрицательном значении. Это был всегда подозрительный человек, который шпионил за большие деньги. С ходом времени наступила своего рода постепенная героизация шпиона. См. *Mikula H. Szpiegowanie Jamesa Bonda // Literatura i kultura popularna / Pod red. T. Żabskiego. T. 5. – Wrocław, 1996. – С. 109-110.*

²¹ Такого типа финал, в котором побеждает отрицательный герой, очень редко встречается в массовой литературе, потому что ее основная задача – «утешать» читателя. Типичный массовый потребитель ожидает, что в финале наступит *happy end*. См. *Eco U. Superman w literaturze masowej. Powieść popularna: między retoryką a ideologią. – Warszawa, 1996. – С. 14.* В русской литературе (в том числе и массовой) тенденция оставить преступление без наказания появилась лишь в начале XXI века. См. *Wołodźko-Butkiewicz A. Указ. соч. С. 274.*

ля. Вайнеры желают указать на факт, что зло, становящееся неотъемлемой частью определенной системы или идеологии, не исчезает автоматически вместе с ее крахом. Москва 70-х годов по-прежнему полна жестоких «причичков», готовых в случае необходимости молниеносно вновь начать играть свои роли. Сознательно внушая читателю восприятие мира в категориях одного большого заговора, авторы создают в финале своего рода «романную идеологию паранои»²², согласно которой, один раз сформировавшееся зло, «непоглощаемо». В определенных условиях оно может долгие годы находиться «в отставке», но в любое время может также возродиться благодаря своей «исторической памяти». Поэтому нельзя бороться со злом, отворачивая голову и стараясь его не видеть. Коллективная амнезия – это проклятие общества, поскольку доводит она до «мирного» преобразования преступника в почетного гражданина, пользующегося моральным авторитетом, в выдающуюся личность²³.

В этом контексте нельзя сказать, что *Евангелие от палача* – это лишь очередной детективно-приключенческий роман. Скорее всего, это в большой степени вивисекция мрачной стороны человечества, отважное (даже на уровне языка романа) обвинение тоталитаризма.

Евангелие от палача – это не единственный роман, в котором затронуты темы, еще до недавнего времени считаемые «опасными», но несомненно один из немногих, выдержанных в детективно-приключенческой манере. Интересно поэтому немножко внимательнее присмотреться к этой, обычно считаемой безопасной (или часто – безвкусной²⁴) литературе, потому что и здесь можно найти новаторские, «писанные для себя» произведения, которым пришлось ждать своего времени.

²² См. *Tazbir J. Protokoły mędrcew Syjonu.* – Warszawa, 1992; *Palmer J. Thrillers. Genesis and Structure of a Popular Genre.* – London, 1978.

²³ Ср. *Chosiński S. Apokryf oprawcy, czyli zbrodnia bez kary* // http://esensja.pl/magazyn/2005/04/iso/07_081.html.

²⁴ Ср. *Broch H. Kilka uwag o kiczu i inne eseje.* – Warszawa, 1998. – С. 114; *Konwicki T. Zorze wieczorne.* – Warszawa, 1991. – С. 189.